

Владимир Каткевич

Жан-Батист Штука и Каганович

Повесть

1.

Пароходы тоже бывают долгожителями. Четвертого по счету капитана «Рогани» Бузило-Земского схоронили. Бедро сломал на спардеке. А сам пароход все еще на ходу, возит из Алжира на Новороссийск вино. Терпкое и противное. Говорят, арабы душат его с семечками.

Но не все так гладко. По выходу из порта Беджайя случилась протечка в грузовом танке. Может, слегка оголовок брекватера черкнули. А от старости набор расшатался, листы корпуса покоробились, разошлись. Или свищ по сварке дозрел. И винище стало последовательно сочиться за борт. В горячке отхода протабанили, вахтенный помощник уже в море заметил, что рыбки в шлейфе ведут себя хаотично, выпрыгивают из воды.

– Радый анчаус халявной выпивке! – реагировал боцман Жом. – Ухаживают!

Донкерман Тысяченко (Штука), ответственный за все вентили, клинкеты, шпигаты и насосы (непонятно, за что он не ответственный), перекрыл задвижку на коллекторе, часть винопродукта перекатал в резервный танк. Даже за борт сиганул, убедиться дырке – азартный человек. Заткнул щель сырым мясом. Способ известен еще со времен Фрэнсиса Дрейка. И почапали с тревогой.

А пароход ведь тоже не мальчик с пальчик.

– Тридцать шесть год, как-никак, – рассуждают с уважительным сожалением старожилы. – Бывший «Волго-Балт – 174».

Продуктовоз типа «не река, не озеро», смешанного (смешного) плавания. Костер, если по западной терминологии. Подробная

классификация в развитии соответствует возрасту. Но не сути. Какой он к черту костер?

Пятый капитан Марат Касьяныч Нэмо (Невмытый) осознавал, что за аварию вломят душевно, собрал команду обсудить чепе, всего двенадцать скитальцев морей, свободных от вахт, работ и предрассудков. Толковище в узком кругу затея безнадежная. В экипаже, скажем, рысачка-пассажира, где триста душ, проголосуют огульно. Не зная толком, за что. А на костере у каждого свой резон, воспринимаемый окружением с сомнением. Почему не притерлись? Потому что за годы совместных рейсов подробно изучили подноготную друг друга.

Понимали, что припаяют выход на вахту в задутым виде и как следствие аварию, угрозу мореплаванию и прочее вытекающее (помимо вина). В газете «Моряк» регулярно публикуют списки угодивших в трезвиловку. На двух полосах. Фамилии знакомых находят с воодушевлением:

– Слышали, Бухаловича хмелеуборка поймала?

– Наш груз – это наша боль! – капитан Нэмо мучительно поморщился, будто его снова прищучил геморрой. И неловко поправить лечебный карандаш. – А под видом борьбы с зеленым змием пароход отбракует Регистр. И что тогда?

– Тогда мы, Касьяныч, останемся без куска хлеба, – согласно всполошились. Особенно пенсионеры.

– Вы даже не представляете, что у вас творится в желудках! – включился доктор Ленин (Владимир Ильич Левин). – В коносментах груз фигурирует как винопродукт. Вы нещадно травитесь им. Это не вино, а бурда.

– Пойло, – подтвердили обреченно.

– Вот мотористу Цехмайстеру стало худо в машине. Понимаю – жара, монотонность рейсов, переутомление. Токи Фуко опутали надстройку. Я вам не зря давление фиксирпую. Цехмайстер содержимое желудка не удержал, окатил силовую установку...

– Три раза перекрашивали, – посетовали, – и все равно пятно обратно вылазит. Не «Рогань», а «Рыгань».

– А на кой этот шмурдяк вообще возить? – взвился, демонстрируя рациональный экстремизм, Штука. – У нас своего залейся. Чтoб флот перетравить?

– Это государственная экономическая стратегия, – поставил на место донкермана Штуку второй помощник Нищак, помполит по совместительству. – Развивающимся странам надо помогать. Иначе другие помогут.

– Им уже ничего не поможет.

– Не упадничайте! – помпа-секонд Нищак отдавал отчет, что протокол собрания передадут в партком, а копию в транспортный отдел обкома, и потому осадил: – Ну все, закрыли пар на гудок! Я понимаю, здесь в маленьком экипаже каждый личность. Так себя воспринимает...

– Не все! – нарушил перемирие Штука.

– Что не все?

– Личности. Вот вы двуличны, потому что занимаете должность второго помощника с одной вахтой и помполита...

Хохотнули с ожиданием.

– Лады, хватит жевать соплю... Хорош...

– А чего хорошего? – не унимался Штука. – Мы и так в ваш партком возим вино для подарунков. Какое прилюдное лицемерие! С вами предстоит разобраться! Мы для начальства шмурдяк цедим, а они нас уличают. Абсурд! – Штука знал оборот груза предметнее. Потому что сам снаряжал помпу в партком и в канистру с вином добавлял еще для ударности ром «Негро», которым была заполнена полая фок-мачта. Раньше они возили египетский ром и запаслись впрок. Штука происходил из одесских французов, любил широкие жесты и революционный порыв.

– Что, теперь придется больше возить?

Сдержанно заскрипели стульями – нелепо, в самом деле.

– Штука, закройте рота! – глупо осадил дневальная Доска (Сосновая).

Почему вдруг на «вы» перешла? Дура! Доска когда-то положила сосновый глаз на Штуку, но он не повелся. Зачем ему? Дома такое же чучело. И Доска переключила чары на помполита. По совместительству.

– Рыбы ж не вымерли, – напомнили с неубедительным оптимизмом. – Напротив, духарились, оказывали самочкам знаки внимания!

По приходу все, кроме стояночной вахты, почапали в транспортную прокуратуру. На ковер. Стройными рядами.

– А зачем нас вызвали? – кипятились с непониманием, но внутренним содроганием.

– Чтобы сделать оргвыводы, – обнадежил помпа-секонд Нищак.

– А оргвходы?

– Вход нам уже обеспечили. Без права выхода.

– Будут держать на коротком поводке, – усугублял цугцванг Штука. – Как питбулей. Здравствуй, родина! Прощай свобода!

Давала знать себя наследственная одесско-французская генетика.

– Мой пращур, – напомнил Штука, – бежал от гильотины в Америку, где участвовал в гражданской войне. Причем с двух сторон.

– Зачем? – устало спросил боцман Жом.

– Что зачем?

– Зачем с двух сторон? Чтоб базарить на военных советах с двух сторон? Это очень принципиально.

Нищак для успокоения погладил Штуку по шерсти:

– Донкерман Штука, ты, Тысяченко, с риском для жизни пытался ликвидировать в открытом море неплотность, – перевел стрелки помполит, он же второй, грузовой помощник.

– Правда, от того мяса щель больше расперло, – не унимался боцман Жом.

– Чтоб тебя самого расперло! – перешли на личности.

Потребовали предъявить паспорта моряков. А возвращать не спешили. Это сигнал. Как с тугим звоном сломать шпагу над головой. Или по башке табуретом. Со всех взяли подписку о невыезде. Даже с помполита. Обещали осчастливить повесткой к следователю по особо важным делам. И делишкам. Обнаружилась чувствительная недостача винопродукта.

– Так что нам больше левого вина возить? – не унимался Штука. – Еще и прокурорам? Плашкоут к «Рогани» прицепить?

Следователь Правосуд (леди) внимательнее посмотрела на Штуку. И прочитала вслух протокол семимесячной давности: «...по приходу в п. Новороссийск я, донкерман Максим Тысяченко,

пошел разобщать шланг на терминале, отсоединил «папу-маму», а бесхозное содержимое шланга слил в пожарное ведро... На замечание охранника Зленко надел ему на голову ведро... О содеянном не сожалею...»

– Вот какая вы штучка! – резюмировала женщина-следок по фамилии Правосуд (это ж надо!).

Они еще не прочувствовали, какой он штучка. Штука прикинул, как будет выглядеть завивка, если ей (Правосуд) примерить на голову ведро с винопродуктом.

В конторе капитана порта Штука нарочно спровоцировал суматоху. И в толчее выкрал из стопки свой паспорт моряка с алжирскими визами. Обратно. И оказался на вольном воздухе с двумя паспортами, моряцким и гражданским. Надеясь под шум телеги устроиться на другую группу судов и помахать всем ручкой. Гражданский паспорт перегнул два раза до размера коробка и спрятал в карман-пистончик. На случай, если прикажут вывернуть карманы. Какой дурак будет в пистончик паспорт трамбовать? А паспорт моряка бережно засунул в носок.

Когда послали пристава к нему домой, жена категорически объявила, что такой гражданин здесь больше не проживает. А заявится, она ему ребра качалкой пересчитает.

2.

Донкерман Штука после матча шлепал куда глаза глядят. Глаза глядели в некогда благоустроенное прошлое. Он конструировал разящие внутренние монологи, переваривая скандал с женой (отныне бывшей).

– Натери мне спинку? – попросила жена.

– Не щипает?

– Саднит маненько...

– Какое притворство! Может ли любящий человек быть таким жеманным?! – развил внутренний диалог Штука. Но не выплеснул его вслух наружу. Лицо его выражало решительную обиду и гнев. Прохожие отводили от него взгляд и затравленно обходили стороной.

Домой решил больше не возвращаться, потому не спешил. Хватит, всему есть предел мечтаний! Разрыв назревал давно, а ее экстаз с истерикой стал просто поводом.

У пивной горланили фанаты.

– И Леонард Дубина не виноват, – провоцировали. – Чи можна дать пас накатом, если «Реал» катал по схеме четыре-два-четыре? Защита всю штрафную блокировала. Какой там дриблинг? – и давай дальше триндеть.

– А надо было три-четыре-три, – взорвал базар Штука. – Как «Арсенал».

– А два-четыре-четыре слабо?

– Жили в квартире сорок четыре...

Пиво оказалось разбавленным, но мочегонным. Притормозил у укромного столба откатать балласт и увидел объявление:

«Всесоюзному тресту «Союзлегпромтыкмык» срочно требуются... оплата прогрессивная... ражъеждной характер работ... жагранкомандировки... колесные... прогрессивка»

И другая жамануха. Буква «З» у машинки хулиганила. И еще несколько литер ушли в отказ. Штука сорвал отрывной клочок с адресом и сунул в пистончик. Где топорщился паспорт. Варварски сложенный. Командировки ему были противопоказаны, он дал в транспортной прокуратуре подписку о невыезде и иллюзий не городил. Но и возвращаться в тещину берлогу не планировал, потому что подрался с Милкой. В очередной раз, но сильно и принципиально. Дралась она иступленно, не помнила себя.

Оказалось, Штука стоит на пороге шараги, она под ногами, ниже ватерлинии, в подвале. Его это даже нервно развеселило. Из наладного бункера зашибало, как из бodeги, терпким алжирским вином, которое Штука возил на пароходe «река-море» смешного плаванья. И смешанного питья. Запах был рвотным, но родным, Штука им пропитался до мозга костей. На ступеньках бункера умывался кот персиковой масти.

– Если хочешь быть ждоров, умывайся! – дружески прошепелявил пастельному коту и совершил погружение в бункер. Просто на пробу.

– Ваша профессия? – матерого вида прораб бегло полистал ветхий паспорт. – Семейное положение? Женатый, газведен... – прораб грассировал и путал падежи.

– Женат ггажданским бгаком, – передразнил прораба Штука.

– Понимаю, неопределенная... – картавость он подавил волей. – Поскольку трэст всесоюзного значения... управление в Харькове... Генеральный дирэктор в Иваново...

– В русском Манчестере, – отреагировал Штука. – Небось женщин в нашем поболе. Невпроворот, полагаю.

– Вы боитесь женщин?

– А кто ж их не боится?

– Женщин на всех объектах хватает... У нас участок.

«Следы заматают, – прикинул Штука. – Значит, есть резон заматать».

– Что, допуск нужен? – презрительно, вроде между прочим, справился Штука.

– Что-с?

В соседней комнате хихикали. Там писали пулю, сдержанно балагурили, и потому прораб недослышал.

– Допуск нужен в «Каскаде», они часы на военных судах монтируют. А здесь я – допуск! Раз в год на участок горсовет выделяет три квартиры.

«Нехилая замануха, – подумал Штука. – Если еврей не вкручивает». На руке прораба наколотый девиз «Цени свободу!» переплетала колючая проволока (сюжетно). Прораб тянул на ушлого цеховика, чалившегося за расчески.

– А партячейка имеется?

– Зачем вам? Есть парторганизация...

– С парткомом?

– Что это? В управлении парторг... А по какому поводу интересуется-сь?

– Сие не столь важно. Например, по вопросу приема кандидатом в партию Ленина-Сталина... А какая длительность командировок? – справился вроде без интереса Штука. Тоже между всем. – Или они безразмерно-резиновые?

Все равно спешить было некуда и незачем – ни работы, ни жены, ни жилья для примака.

Первую ночь после рукопашной дышал отрицательно заряженными ионами. Прикорнул под лодкой. Когда фоган рано, ни свет ни заря, стали раскачивать и двигать, ухватился за банку (сиденье).

– Кажись, что-то мешает, – сказал один из волокуш.

– Может, зацепилось? – второй наклонился и увидел Штуку.

– С якоря сниматься, по местам стоять! – скомандовал Штука.

Посмеялись всласть и взяли Штуку на рыбалку. Из солидарности. Рачков наживлять. Свою долю кошачьего улова он подарил.

Там на пляже увидел, как мужик оседлал даму и мазал ей спину какой-то липкостью. (Накрэмь меня!) Растирал. Накрэмил. Мух отгонял перистой веточкой акации. Противно. Сюжет привел Штуку в ярость. Его семейная катастрофа тоже произошла после массажа. Штука натирал Милку забористым самодурным вазелином. От прыщей. Кто-то ей рекомендовал народное средство. Наверное, теща, идиотка. В процессе массажа и елозенья по Милкиной спине Штука возбудился и позволил интимную близость. Все-таки три месяца дома не был. Сошел моряк на берег. На свою голову. Милка не возражала. Правда, его оплошность в том, что после медицинской процедуры не успел сполоснуть руки. Милка стала извиваться и выражаться. Штука думал, от приступа нежности и релакса. Оказалось, ей нутро обожгло этим «Крэм-балэтом». Подняли на уши весь двор.

– Спасите от фашиста! – пискляво кричала Милка. И метнула в него чайник.

– Вот изверга пустили в дом, – подытожила теща. Хоть и скорбно для общественности, но с некоторым интересом и даже с заветной грустинкой для себя.

– Садист, он и на берегу маняк! – рассудили соседи Ненадо (фамилия) со второго этажа. Они Милку и заливали несколько раз.

Штука дал зарок: в коммунальный лепрозорий – ни ногой.

* * *

– Командировки от месяца до полугода... – укатывал про-
раб. Он был неплохим психологом. Надо полагать, не зря
чалился.

– Резиновые?

– В соответствии с КЗОТом. За границей – год.

– Год за два идет на стаж?

– Почему?

На стол выпала ракушка. Из прически Штуки. Волосы от мор-
ской воды свалились, как палубная швабра.

– Это ваше, – прораб подвинул ракушку авторучкой
и с пристальной брезгливостью поглядел на прическу Штуки.
В штучном ухе застряли водоросли. Штука спрятал ракушку
в пистончик.

– А где за бугром? – спросил строже Штука.

– Монголия, Куба...

– Монголия тоже заграница?

– Нет, Монголия тоже заграница, – отреагировал на сарказм
цеховик. – А как вы думали?

– Я думал, улус. Что-то я очереди не заметил...

Когда уходил, кота след простыл. Наверное, хвостатый почуял
закусон. В подвале брякали стаканами, разливали.

– Придете после двадцатого! – сказал еврей в форточку. –
Но не зараньше срока.

«Хрен тебе на могилу!» – мысленно пожелал Штука.

– Командировки у нас от года до голубятни, – передразнил уже
вслух для кота.

3.

Но пришел «зараньше» срока. В полном отчаянии. Человек без
жилья, престижной работы и передышки.

– Как выполняется жизнь? – с игривой фамильярностью спра-
вился Штука для затравки.

– Вы уже месяц у нас работаете! – деловито огорошил нала-
дочник.

– Где работаю?

– Вы были в командировке в Салехагде, – заарканил еврей Штука. – Получите у Цецилии Липовны зарплату и суточные. Суточные отнесете прорабу Цимису.

– А суточные щи не отнести Цимису? – неблагодарно съехидничал Штука.

– Ваш паспорт! – настаивал прораб. Несколько лукаво.

– Он на перерегистрации, – Штука напыжился и скис.

– Это неправда!

– Да как вы смеете?! – и уже потерянное: – Я его потерял...

– Вы в прошлый визит его забыли, – прораб протянул покоренный паспорт. Зачем вы документ слаживаете? Вы не злоупотребляете?

– А вы? – нашелся Штука.

– Распишитесь за технику безопасности.

Штука был очарован. Но в залепушной артели «Золотой ключик» за халяву спросят. Наверное, кинут в следующей командировке.

– Где я был, в Салехагде? – смаковал удачу с подозрением.

– В Салехагде, Салехагде. На шеф-монтаже. Там северные надбавки.

– А за пустынность и безводность?

– Эти коэффициенты в Туркмении. Там тоже объект. Но его надо заслужить. Цецилия Липовна выпишет вам спецодежду. Ведь у вас ничего нет? – как шелупони. С подчеркнутой издевкой. И уже в пространство: – Цуца, выдай новенькому бгодни.

– А зачем бгодни?

– Как зачем? А в колодцы жировально-дубильного лазать? Не в тапочках же туда нырять! Сразу гаствогитесь. Хе-хе! До атомов. Сегодня выезжаете на поезде. Бригаде позарез нужен человек. На кожзавод имени Кагановича. Пойдете к проводнику десятого вагона. Дадите Нимфе Марфовне пять карбованцив. Посодит.

– А почему им срочно нужен человек?

– Он нужен как факт присутствия. Там конфликтная ситуация.

– А где я буду жить?

– Как где? В поселке Кагановича. Там – раздолье, хвойный воздух, дом творчества архитекторов, Суханово. Бывшая тюрьма

НКВД (при этом ухмыльнулся со значением). Сосновый бор под боком, как... эти, дрозды стрекочут...

– Дятлы?

– Не... Дятлы на зоне. Как их, очень живописные...

– Красножопые?

– О!

– Снегири.

– Возможно. Но воду придется носить из речки.

– В дырявом ведре, надеюсь?

– Я не носил.

– Еще один щекотливый вопрос... – занудничал Штука. – Сколько в городе налаточных контор?

– Не хамите! – еврей почуял подвох. – Триста тридцать пять с филиалами. Разве мало? На ваш век хватит. Плюс два цеха навигационного ремонта на судоремонтных заводах...

– Еще отделы внешних работ при больших предприятиях, – присовокупил Штука.

– Допустим. А как же без них? Там работают квалифицированные специалисты...

– А зачем?

– Не морочьте голову. Что зачем?

– Зачем выпускать семимесячную продукцию? Потом пестовать ее нежизнеспособную, что-то тачать, исправлять, устранять брак предприятий? Подгонять и починять. Лепить из дерьма пули. Доколе?

– Идите с богом, вы уволены!

– Зачем, если можно добросовестно выпускать годное оборудование? Это же логичнее. Ведь ни в одной стране нет такого гротеска!

– Сдайте суточные Цецилии Липовне и ступайте! И шкары до паха.

– Они сапоги не хотят! – сообщила кладовщица-кассир из служебного чулана.

Штука вышел, покурил за мусорными баками и вспомнил, что негде спать. Погладил кота.

– Гаствогитесь! – копировал для кота прораба. – До атомов. Бульбометы! Год за два в улусе!

Форточку захлопнули. Штука вернулся в подвал с котом.
– Я передумал, – сказал.
– Так я не передумал! – заартачился прораб. – Возьмите шкары – и марш на паровоз! Не мешайте работать!

4.

На запасниках станции Орша пыхтел в режиме передвижной котельной, доживал в шипении и заточении паровоз серии КА. Имени товарища Кагановича, при локомотивной жизни четырежды наркома путей сообщения.

От Киевского вокзала Штука ехал на метрополитене имени Кагановича. Потом на троллейбусе «ЛК-1» («Лазарь Каганович»). На кожзаводе имени Кагановича выдали жетон для пользования койкоместом в поселке Кагановича.

В компактном представлении он поселком как таковым не состоялся. Территория агрессивно осваивалось, причем впрок в разное время разными застройщиками, от пленных немцев до лимитчиков, стройбатов и студенческих отрядов. Потому добротные строения кожевенников беспорядочно разбрелись по обе стороны от железки, вроде разбежались по крику «Шухер!» и выглядели диссонансно. Когда возник дефицит свободных площадей, кожевенники не ленились внедряться в тесноту застолбленного пространства где придется, иногда по пустырям и неудобьям. Из-за пристального кураторства и заботы товарища Кагановича заброшки рельефно преображались. Новострой гармонично вписывался в буколические пейзажи, и ведомственным новоселам старожилы злобно завидовали.

Обозначились и клязуники, которые тосковали по пиратским помойкам. Раньше за околицей привычно воняло, но им, видите ли, было близко ходить. Утробный консерватизм.

Для журчания и комаров имелаась в наличии речка с народным названием Сток (не Стикс). Сток шириной до полутора метров меандрировал по нахаловкам глубоко и бестолково, находя в излучинах то одно строение товарища Кагановича, то какое другое поновее и позвонче. Из-за малых детей.

На буреломном берегу Стока в ветвистом овраге притаился крепкий еще сруб на две семьи, давно снятый с баланса. В доме не было ни воды, ни отопления. Печь растащили по кирпичам дачники. Но почему-то уцелели выдержанные звонкие дрова. В каньоне пахло берестой и кошками. На фоне типовых хрущевок и ладных немок, сработанных военнопленными, это выпавшее из поля зрения строение, отнюдь не барак, выглядело обиженно и патриархально.

Нужник наклонился к выгребу, вроде прицелился в яму плюнуть. В летнее время дом оживал, в овраге похмельно кашляли, туда подсажали командированных.

В доме без семи ветров обитали двое одесситов: бугор Грубый и второй. В дамских сапогах (жены). Штука думал сгоряча, что сожитель гей, и прицеливался дать ему в ухо. Но выяснилось, что женины сапоги тот носил из экономии. Грубый отсутствовал.

– Вы не моряк? – спросили Штука для разгону.

– Не совсем, – уклонился тот.

– Тогда с откуда?

– Вообще моя тема Брюсов... – и представился: – Отто.

– Жан-Батист Максимилиан, – ответно представился Штука. – У меня французские корни. Мой пращур бежал в Америку на гражданскую войну. Причем воевал сначала на стороне южан, а потом конфедератов.

– Заметная жизнь!

– Так вы инженер? – допытывался Штука. На инженера Отто не тянул даже с Брюсовым, он был похож на доброе чучело, которое не мешает скудно жить.

– Нет, мсье, я – старывещик. «Старвэщ покупа-а-ам!»

– Новые крадем, – развил интригу Штука.

– Вот ваша койка. На ней Леша Палий спал... Который помер. Вам достались его талоны на продуктовый набор. Не побрезгуйте... Наборы здесь сытные.

– Когда помер?

– Накануне ночью... Увлекался, а специалист хороший. Два года в Йемене работал...

– А отчего помер?

– От всего... Жена оставила... Тривиальная история. Главный механик завода Рамирес не хочет подписывать процентовки под покойника. Выработка Папия была заранее включена в общую сумму. Как-то не по-христиански получается... Похоже, останемся без зарплаты...

С автобусного пяточка прилетела бутылка. Штука хотел запустить стеклотару с возвратом. Как немецкую гранату в траншею врага. Но Оттик стеклотару оприходовал и спрятал в торбу, напоминавшую переметную суму.

На площадке, спланированной из строительного мусора и щепы с лесопилки, гудела назойливым роем конечная остановка местных маршрутов. Дачный вавилон ударно произрастал девятиэтажками, площадки для маневров автобусов не хватало. Доминанту неутомимо наращивали, она сползала языками, чтобы поглотить сруб. Командированные откапывались, и мусор им подсыпали снова. Мусора пока хватало. С приходом электричек толпа подпитывалась, густела и нервозно бурлила. От ожидания и неопределенности увлекались пивом «Балтика» на двенадцать оборотов и дурели. Автобусы-фердинанды местного значения моторы не выключали, вроде дразнили. Водители в тепле кабин с воем зевали от безделья. У них якобы расписание движения (и стояния), но его не предъявляли. Толпа изнывала, мочилась с обрыва в Сток-Вонюху. Если присаживалась леди, Отто отворачивался.

Бутылки он коллекционирует и изучает. Залетная бутылка была штучной, из-под португальского портвейна. Граненый штоф, полужидкое стекло мято руками, отчетливо отпечатки португальских пальцев. Отто понюхал бутылку, как целебную. В другой куче ржавый утиль, колосники, скобье, затвор от винтовки Мосина, животное выгнутый остов подольской швейной машинки. У старьевщика своя оценка находок. Энтузиазм подогревает воображение.

Отто поставил на стол чекушку.

– Для знакомства, – объявил. – Ритуал. Положено. Тоску-кручину выплеснуть. Рассказать, как застал супругу с соседом, и прочее разное. Слезу уронить. Денег одолжить. Как здрасьте. Традиция. Вы не скулите, не плачетесь. Это обнадеживает.

– Я женат. Вот из-за этого стоит выть. Расскажу, так и быть... Не сочти за пошлость, – Штука разговелся и рассказал в лицах, как натирал жену «Крэм-балэтом». Отто хохотал до дырки в зубах. Дырки не стеснялся. В дырке трепетал язык. От души хохотал со стоном. Можно по смеху определить, хороший человек или злюка. Или дегенерат. Дегенераты вообще не хохочут.

– Ну какая же это пошлость? – заметил Отто. – Это издержки интимного быта.

– Я, кстати, тоже женат, – признался Отто. – Один из немногих. Здесь это редкость. Взял еврейку... Вернее, она меня взяла.

– За бугор нацелился? Там на Святой Земле тоже будешь старьем проживляться?

– Думаю да. Это интересно, уверяю вас. Я еще и копаю.

– Под прораба?

– Вот таз откопал латунный. Залудил, теперь вполне годный. В нем хорошо варенье варить, не подгорит. На опушке много черники... Я даже на зоне пробавлялся. Старые вещи имеют свою историю, отвлекают, будят воображение. На запасниках у Павелецкого отдыхает паровоз серии «КА». Осевая формула 1-5-1. Ведь кого-то возил, спешил, гудел призывно, сипел. Стеснялся громко пыхтеть, виновато подкрадывался к перрону. А на перроне его узнавали по одышке... Вы улыбаетесь... И, возможно, ревновал. Паровозы даже влюбляются, если по Резо Габриадзе. Ведь у каждого паровоза душа. Он переживает свою ненужность.

– Ты машинист?

– Обижаете, помощником машиниста служил Андрей Платонов. А я только проводником на новосибирском.

– Надоело?

– Не только цикличность изматывает. Сюрреализм довлеет.

– Поменял работу?

– Шило на мыло? Я планировал вообще изменить жизнь...

И решил Оттик от цикличного сюрса кардинально бежать. В более обустроенный миропорядок. Он манил до забвения. Присмотрел лодку на причале мединститута в Отраде. В сообщники взял двух малолеток. Лоботрясов, испорченных распутными женщинами. Они уже сбегали в Батуми. Воспитанниками военного духового оркестра.

Плыли к фарватеру в тумане. Так, думали, надежнее. И орудовали, как в тумане. Аккурат греческий пароход вышел из порта на малых оборотах. Они мигать пиндосу фонариком, чтоб шлюпку смайнали, а на пароходе прожектор включили. В морду.

Пограничники отбуксировали плоскодонку к причалу. Пока проводили следственный эксперимент, подельники попросились побрызгать. В чертополох. До сих пор ищут. Может, и хорошо, что дали уйти, а то бы эта вермишель на него все валила. Следователь попался пожилой, разочарованный, сам устал от милицкого бедлама. Уходил в отставку в скромном звании. Принес в камеру бутылку «Червонэ мицнэ», обстучал сургуч, плеснул Оттику в жестяную кружку и сказал:

– Не будь дураком, сознавайся, и тебе припаяют кражу лодки, – хрустнул закусочной карамелькой. – Это год при примерном поведении. А за измену родине все двадцать пять. Тоже при образцовом поведении.

Инкриминировали кражу лодки. Почему-то благословили в ЛТП, лечебно-трудовой профилакторий в Вилково. Хотя и не алкаш. В Дунайской Венеции за офицерами бутылки собирал, шнырем хорошо, привычно. Конвойным читал Брюсова. Они почему-то восприняли Брюсова антисоветчиком. Серебряного века. И посадили Оттика для острстки в штрафной изолятор. Ненадолго. Им ведь тоже надо отчитываться за принятые меры. Иначе сократят.

5.

Работу залетным инженерам предлагали первобытную, но вредную. Зато с приманкой. Можно от тамошнего профсоюза продуктовый набор заказать. Потрошеную венгерскую курицу, китайские супы со сладковатым запахом и побегам бамбука. Заказы получали в универмаге Цинделя, построенного на закате капитализма специально для рабочих. Чугунные добротные лестницы, кованые листья затейливо переплелись и скрутились, бытовой ажур начала века. Культурно и с художественным вкусом. Циндель со своими ситценабивными фабриками входил в десятку прогрессивных капиталистов. Вместе с Саввой

Мамонтовым и Алексеем Бахрушиным финансировал переворот, совестливо могилу себе копал. На его фабрике даже выступал товарищ Ленин.

– Что мне писать в акте выполненных работ? – кипятится главный механик Хулио Мандрович Рамирес.

– Пиши, Мандариныч, «повторная наладка импортного оборудования», – учит битый жизнью бугор одесситов Грубый.

Повторная наладка уже случилась. И энная случилась. Что писать? А проверяют? Это как дети в школу. Ревизоры регулярно заранее оповещают о набеге, но закрывают глаза. Что с кожевни неполного цикла взять? Разве что технического спирта тормосок ревизору снарядят. Синюхи, спирта для технологических целей залейся. В него добавляют синьку, чтоб не травились, но народ адаптировался к синюхе. А заводишко допотопный, вонючий, вредный, если злоупотреблять антитезами. На ладан дышит, обречен. Застройщики на место покушаются. До поры обнадеживает, что кожзавод в связке с войлочной фабрикой и дрожжевым. Крысы шустрят, производство вплотную к сталинкам, где гэбэшники гнездятся. Отставники жалобы строчат, выживают кожевников из престижной зоны.

Район действительно, несмотря на вонючую промышленность, тихий, заповедно привлекательный, элитарно потаенный. В Замоскворечье замороженная столица переводит дух.

Под боком знаменитые Кожевнические бани (на Кожевнической улице) с чучелом медведя. Медведь держит поднос. На подносе пачка «Казбека» с припиской «Займи, но выпей!». Музей Бахрушина в переулке. Кто понимает старину. Меценат Бахрушин, кстати, владел кожевным производством. Через дорогу второй кожзавод. Имени Радищева. Хотя Радищев в зольном цеху не горбатился.

С утра Грубый на пятиминутке. Берет в группу поддержки Оттика и Штуку. В полном составе руководство механического цеха. Приковылял с палочкой бывший главный инженер Матвейч, Мотя, пенсионер болезненного вида. Старается в текущие дразги не вступать, все-таки производственная этика, хозрасчет, приписки, как водится – ОБХСС не дремлет.

– У вас же процентовка на сколько человек? – мутит главный Хулио Мандрович. – Почему я должен оплачивать мертвые души?

– Но работа ведь выполнена, Мандариныч, – приглушенным голосом, но грозно цедит Грубый. – Или я что-то не пон-л?

– И будет перевыполнена, – встревает неожиданно для всех и главным образом для себя Штука.

– Начнем собирать новый барабан, – подхватил знамя Грубый. – За три дня поставим зубчатый венец. Хотя бы с одной стороны. Нас уже трое.

– Хули мне венец! – возражает Хулио Мандариныч. – В процентовке же написано четверо. У вас еще одна мертвая душа катается, висун. Зачем вы из меня чебурашку лепите? Итого двое невидимок.

Штука наконец скумекал, почему главный механик уперся буром. Оказывается, всего в наличие не один, а два порожняка. Один в цинковом бушлате отдыхает в морозильной камере, Паллий, а второй бумажный. Возможно, в Одессе на пляже вялится. Получается перебор.

– Мы обещаем работать ночью, – геройски предлагает Штука. – Клянусь Лениным!

– Ночью завод не работает, – осаждает новенького Мандариныч. – Жилая зона. В сталинках гэбэшники. Настучат.

Прерывисто брынькает эбонитовый еще телефон.

– Ждем, Лазарь Мосеич, – обещает Мотя, отставной главный должжителъ. Аж приосанился, помолодел почетный ветеран. – Тише вы! На проводе товарищ Каганович! Зачем на трамвае, Лазарь Мосеич? Мы за вами машину пришлем (грузовую)... Вы хотели импортные линии посмотреть? Продемонстрируем с удовольствием. Профгруппа в... Как и планировали... Ждем вас. Да не надо на трамвае, растрясет, умоляю... – Мотя осторожно вешает трубку. – Товарищ Каганович все-таки сказал, что на трамвае привычнее, – Мотя закуривает от возбуждения крепкий «Лигерос», который особенно противопоказан.

– Трамвай же сняли с Зацепа, – вспоминают. – Сам Лазарь Мосеич и снял. А теперь отстал от жизни (собственной), запамятовал.

– У него память не в пример, – парируют. – Трамвай с Зацепа через двадцать лет после его отставки убрали. Так Лазарь Мосеич на метрухе имени себя поедет.

– Самоходкин, готовьте машину для Кагановича!

– А резина?

– Я к вам после собрания зайду, – обещает Грубый.

– Это ваше дело, – Рамирес неумолим, Мандариныч. – Но не дейтесь, я ничего не подпишу.

Идут в зольно-жировальный-дубильный. Везде квакает и чавкает жижа, пузырится. Радужные разводы, едкости квасятся. Пробираются по скользкой кладке бассейнов, где в вонючих ямах кособоко с люфтом ворочаются почерневшие от сырой жизни барабаны. Размером с грузовик. В них хлюпают кожи.

Когда мостовой кран тащит на гаках безобразный ворох разбухших, медузно вздрагивающих голубых кож, крановщица Аврора тревожно сутулится под крышей и истерично трезвонит. Голову в бигудях инстинктивно вбирает в плечи. Зазеваешься – булькнешь в яму с дубителями и квасцами. Тогда уже кирдык без вариантов. Растворишься до атомов.

– Аврорка! – зовут крановщицу зольщики. – Товар пиндюрь!

Значит, пора загружать барабан сырыми засоленными кожами. Барабан метра четыре в диаметре. Из соснового (не дубового, как положено) бруса. Грубый работает Диогеном. Изнутри всаживает кувалдой-понеделником шпильки. Естественно грубо, уродует резьбу. Что потом гайку М-24 на ступицу не накрутить, не обжать и не законтрить. Однако Отто со Штукой упорно наживляли гайки. С противным писком закручивают навечно. Штука мантулит азартно, и работа спорится. Когда Грубый опускает с оттяжкой кувалду, натужно выдыхает:

– Гких!

Зольщики мокрого цеха в дерматиновых фартуках на голое тело плятятся ревниво, работа одесситов им нравится. Но вслух не похвалят. У зольщиков крепкие ногти. Когтистые по-звериному. Специально не стригут, чтоб ловчее мокрые кожи тащить из кучи в барабан. Говорят, Каганович здесь когда-то упирался. Пока на каторгу не благословили. Интересно, ногти тоже растил?

Закончили раньше, чем планировали, прилегли прямо в барабане. Чтоб не упрекали, что раньше пошабашили. Если в люк барабана заглядывает крыска, Штука шутит усатой:

– А сколько у вас мертвяков в процентовке?

Грубый шугает крысу привычно:

– Гкых!

Другому не учили. Потом уходит по делам. Возможно, треп о Брюсове его раздражает.

– Почему посылают в Москву? – без интереса интересуется Штука.

– Местные на вредном производстве работать не хотят, – объясняет Отто, – а лимиту Рамирес сам отваживает, воруют кожи.

– Специалисты в наладке хоть есть? – спрашивает глупость Штука.

– Конечно, – отвечает Отто, – есть и электронщики, и по автоматике. У нас даже бывший режиссер работает слесарем третьего разряда.

– А зачем же они с улицы кого попало берут? Чтоб варяги филонили?

– Командированные не филонят и не халтурят. А режиссер не с улицы, с киностудии. Видишь ли, в наладках не очень озадачиваются квалификацией специалистов.

– Пароходство хоть и коррумпировано, все-таки балласт с двумя левыми ручками не держит, – замечает Штука.

– Почему берут с киностудии, вопрос поверхностный. Потому что есть костяк, который знает импортную технику от а до я. И еще потому, что зачастую на объектах занимаются отнюдь не тем, что фигурирует в актах выполненных работ... Одесситы не склочны, безотказны, готовы за командировочные выполнять текущую работу.

– Не ухватистые. Вопреки молве...

– Робкие, я бы сказал, для хищений. А зачастую инфантильные. Из-за личных передраг интерес к жизни угасает.

– Техническое дно?

– Ну зачем так уж... Многие глубоко образованны. Обычно бригадир слесарь с опытом, а подчиненные с дипломами. Иногда с гуманитарными. У гуманитариев не все получается, но они стараются. Для советского человека страшно стать клошаром,

а наладка дает им шанс перековаться. У нас больше половины алиментщиков. Суточные для многих подспоре.

– А зачем дорогую импортную технику присылают?

– Видишь ли, сейчас отрасль переживает третий бум. Ожидали ренессанс.

– Почему же не разразился ренессанс?

– Из-за формализма. Импортными машинами с электронной следящей системой нагружают допотопные заводы. Это неэффективно. Нужно новые заводы строить с нуля под современные технологии.

* * *

Задний хоздвор к приезду товарища Кагановича скромно облагородили. Бумажные рваные мешки из-под квасцов закопали вместе с ядами-химикатами,дохлых крысок распределили в ямку. Размазали прутьяной метлой фиолетовые лужи, присыпали кожанеными опилками. Как во мху бредешь.

– Раньше дня за четыре до партсобраниа гѣпѣушники оцепляли территорию, – тепло вспоминает местную историю партии Мотя, Матвеич. – Переворачивали все вверх дном, заодно топтуны и снег вытапывали. Знали, Лазарь Мосеич приедет...

Руководство в составе трех человек выходит из заводууправления. Грубый тормозит Рамиреса и всучивает-таки пачку процентов.

– Я же сказал, подписывать не буду, – набычился испанец. – Отчего ваш инженер скончался?

– От инсульта.

– Он умер от пьянства, бутылки в цеху собирал. У нас своя пьянь в печенках, человека на станции подрезали, а мы еще со стороны алкашню заказываем. Где же логика? – Рамирес осекся.

По дорожке, присыпанной кожаными опилками, шел товарищ Каганович. Первый прораб. С сеткой-авоськой. В авоське кульки. На старости лет сам в гастроном шлепает. Штука понял, что настал его звездный час.

– Здравствуйте Лазарь Моисеевич! – браво нашелся Штука. – Мы одесские наладчики, остались без зарплаты, – прямо сразу с места (мокрого) в карьер.

Все, кроме Кагановича, оторопели. Поголовно свита и даже мездровальщик, хоронивший дохлых крысок. Штука толково изложил суть в лицах.

Каганович терпеливо выслушал, не перебивал и в производственный конфликт не вмешивался. Мотя тоже почетно притих, будто хвост прищемили.

– А где вас поселили? – справился у Штуки.

– В поселке, который вы построили для рабочих.

– Дома строил народ... Вы из Одессы? Как там Одесса?

– Одесса своего слова не сказала, – глобально рапортовал Штука. – Правда, евреев стало поменьше. Остались самые непритовливые. Но люди мелькают. У нас тоже есть поселок Кагановича. Сейчас Троицкий.

– У Первой Заставы?

– Так точно.

Штука приглядывался к ногтям товарища Кагановича, не растит ли. Ногти были желтыми, но постриженными.

Мотя охарактеризовал ситуацию. Каганович ее знал и ловил все на лету...

– Отрасль в целом насыщается техникой, – кашлял от курения Мотя, слабея на глазах. – Присылают импортные машины с программным обеспечением, а их не хотят брать, потому что некому обслуживать... Работницы панически боятся французских вакуумсушилок «Твинвак». А приезжие наладчики загружаются текущей работой... Латать дыры. Барабаны собирают...

– Барабаны тоже нужны, – резонно возразил Каганович. – И они быстрее изнашиваются. Кожа – штучный товар, потому требует человеческого присутствия и ручной работы.

Лазарь Моисеевич пожал персонально руки, крепко пожал ручищей-доской, по-мужски, силу еще не растратил. Говорят, в домино гуляет. И направился к воротам. Авоську из рук не выпускал. Крепкий еще старик, кряжистый с коротковатыми ногами и длинными сильными ручищами, которые привыкли ворочать кожи. Эти руки обращают на себя внимание на известном снимке. Где первый прораб стоит на трибуне рядом с вождем. Оба в тюбетейках, рукава узбекского халата у Лазаря Моисеевича закатаны. Штука представляет, как товарищ Каганович вместо

бугра Грубого орудует кувалдой-понедельником, загоняя шпильки в сырое дерево барабана: «Гких».

– Он один из немногих в высшем звене номенклатуры, кто не умел и не брался писать статьи, – говорит Отто.

Каганович упрямо идет на трамвай. Который с Зацепа якобы сам отменил. От машины отказался наотрез. Мотя заметил:

– А ведь ему девяносто два. Еще скандалит во дворе с дворником. Лампочка перегорела, где они козла забивают. Кхе-кхе. Орел! Я ему лампочку в запас дал.

– Он на заводе имени себя работал? – спрашивает Штука.

– Получается. Говорят. Он, вообще-то, в профсоюзе сапожников состоял. А здесь в парторганизации какое-то время формально задержался...

– Его же из партии вычистили...

– Партсобрание-то открытое.

– Значит, наш человек. В зольно-жировальном уродовался.

Утром секретарь вернула Грубому заверенные Мандаринычем процентовки.

– Снова знакомые мятые лица – пусконаладка идет похмелиться! – продекламировал расхожее Рамирес.

– Вы, я вижу, Мандариныч, тоже с устатку, – посочувствовал Грубый.

– А-ааа... Предупреждаю, подписываю вашу липу авансом. Вам что? ПНУ – приехал, уехал... Все на хапок. А нам выработку поднимают. В следующем месяце соберете два барабана. И не более одного висуна в нагрузку!

6.

Как-то поутру в сарайчике музыкально зевают.

– А здесь чу-у-удненько-о! – грудной женский голос. – Где я?

– Здесь полный пленэр, сударыня! Крапива ботвится, дятлы барабанят. Речка журчит на перекатах. Из лысых скатов. В водоеме даже раков ловят.

– Кошмар! – с брезгливым восторгом.

Приличная леди, отнюдь не синюха. Опочивала.

– Чай, кофе, медам! – предлагает Штука. Сама галантность.

Она беспечно смеется, включается в игру.

- Мара, – кокетливо и томно.
- Весьма приятно. Максимилиан Жан-Батист.
- Интересно!
- У меня французские корни. Мой пращур бежал от гильотины в Америку. На гражданскую войну.
- Как граф Ланжерон?
- Не совсем. Он бежал на войну от карточных долгов.
- Надеюсь, мой визит к вам останется конфиденциальным, сударь. Для Ришелье. Умоляю!
- Могила, медам!

Маре плеснули водицы в латунный тазик. Для макияжа и ремиссии. Гостья вырубилась после застолья. Думали, на поминках перебрала.

Оказалось, сдала кандидатский минимум. В аспирантуре. И отметила по максимуму в пельменной на Зацепе. С кем не бывает? Жан-Батист договорился о встрече на пленэре.

* * *

К ночи площадка притихает, сольные выступления выразительнее. Иногда в дом на семи сквозняках отчаянно ломаются опоздавшие. Требовательно молотят ногой.

- А когда автобус на Чертякино? – настаивают.
- Здесь не диспетчерская, – объясняет сквозь сон Штука.
- Что? Безобразие! Ваших объявлений не слышно по трансляции.
- Погоди, – бормочет Штука, нашаривая кочергу. – Сейчас услышишь.

- А он идет через Белые Столбы?
- Там дурдом?
- Что?
- Идет через Большие Котлы.
- Что?

Жан-Батист выходит, курит. Слышал, как съезжают в потемках на пятой точке.

- Можно у вас посидеть? – спрашивает бесхозный человек.

Думал Мара.

Снова прилетела в Большой Каньон бутылка. Хотел вернуть ее бумерангом, но обнаружил на дне несколько глотков и допил. Вино было терпким, алжирским. Он лежал, курил, прикидывал, где кто. Из экипажа «Рогани». Экипаж уже не казался таким противным. Представил, что придет идиот с двумя левыми ручками, начнет крутить вентили на коллекторе левого борта, а там заедает. Если сальник не ослабить. Хотя бы на пару ниток. Такой неумеха встроит в маховик монтировку, сорвет латунный шток. Потом вспомнил, что пароход порежут, и вся его горечь безадресная.

* * *

Отто вернулся с манифестации на Пушкинской поздно. Когда сняли оцепление и расфасовали задержанных. Поставил торбу с добычей, брякнули бутылки. В торбе сорванные со щитов для чтения газеты и прокламации.

– Нафаршировался прессой под завязку, – похвастался Оттик. – Я твоё изображение принес. Ты объявлен во всесоюзный розыск. Но не отчаивайся. Ты там не похож.

– На фоторобота? Или на ксерокс? А где сорвал?

– У станции имени товарища Кагановича...

– Да нет такой станции.

– Ты прав. И не было. Но в свое время порывались сгоряча увековечить триумф. Восторженное поколение! Потом дали задний. Возможно, поняли, что это уже перебор. Сейчас она «Проспект Маркса».

Листовка о его розыске была невнятной: «... ушел из дома и не вернулся...». Изображение размазано, не поймешь, человека или собаку ищут. Формализм. Собаку хоть найдут за вознаграждение, а у человека шансов нет. За рабочего человека вознаграждения не положено.

* * *

Он чувствовал себя затравленно. Мимо милиции не ходил, в метро не спускался, там лишние глаза. В трамваи трамбовался только переполненные. Все равно на Новокузнецкой тормознули.

– Ваши документы!

– А ваши? – афронтом.

И побежал. Преследовавший его милиционер зацепился за доску и упал. Там реставрировали купеческий особняк Бахрушина.

Штука великодушно вернулся, склонился над поверженным. Рабочую руку помощи протянул, а из пивбара подстрекают:

– Ты его в клинч, в клинч мента!

– Жаловаться не пойдет, – подначивают ушлые, – иначе ему влепят служебное несоответствие!

Помог сержанту подняться, паспорт предъявил. А паспорт вчетверо сложен. В пистончике. Командировочное удостоверение у него за обложкой. Уже в шестнадцать раз перегнуто. Сержант расправил, прочитал и говорит:

– Не пойму, зачем вы убегали? Теперь можете получить пять лет общего режима.

– При образцовом поведении, – напомнил Штука.

– Я думал, предъявите справку об освобождении.

– Липовую, – развил версию на свою голову Жан-Батист. – Или кистень...

– Слишком коротко постриглись, – сержант даже не улыбнулся развитию мысли, в органах натренированы.

– Вы тоже коротко пострижены.

Паспорт вернул, еще и козырнул.

После проверки Жан-Батист приободрился и решил взять райотдел штурмовым наскоком. Зашел развязно в дежурную часть Павелецкого вокзала и потребовал объяснений.

– А кто подает заявку на всесоюзный розыск, – спросил, – жена или с работы?

Там ничему не удивились, у них таких неадекватов неиссякаемый поток. На всякий случай для воспитания заперли в обезьянник, потом ровно через два часа выпустили. По служебной инструкции на ремиссию отпущено два часа.

Жан-Батист снова стал требовать первоисточник. Тогда дежурный отстегнул дубинку, которая в служебном пользовании обозначается палкой. Просто и поучительно. Как при Петре Алексеиче.

– Больше не помогайтесь! – хмуро предупредил.

Перед участком на щите, обтянутом железной сеткой, висела листовка «Розыск! Пропал человек!» с очень неясным до уровня собаки изображением. Жан-Батист понял, что уехать ему не удастся, на Киевском вокзале милиция обязательно тормознет. Потому в конце командировки Жан-Батист попросил у Рамиреса остаться на перебивку. Хотя в Одессу тянуло нестерпимо.

– Ты себе бабу нашел? – догадался по-свойски испанец.

– А зачем их искать? Сами приходят. Брызгают сверху.

– Так что им не брызгать?

* * *

И точно, пришла сама. Поздно вечером снова писклявят:

– Тут живой кто-то есть?

Думал, Мара. С мусорной осыпи спустилась мяфа в милицеской форме с папкой для протоколов. Он на всякий случай притаился в кустах, цинковал. Она постучалась в дверь барака, воспитанная, но не вошла.

– Как в таких условиях люди живут! – посочувствовала. Кому-то в темноту.

– Вопрос о сносе включим в повестку следующей сессии горсовета, – приняли к сведению из потемок... – Усилим заключением санэпидстанции.

– А где же мы жить будем? – спросил Штука из-за гальяна-скворешника. – Если вы на доминанту покушаетесь.

– Вы где? – лейтенант милиции посветила слабым фонариком. – Кто вы?

– А вы?

– Лейтенант Колотухина.

– Как, как?

– Как слышно.

– Дюже приемно, мэм. Здравия желаю. Вы по борьбе с оргпрестуностью, надеюсь?

– Нет, по работе с несовершеннолетними. И грубиянами.

– Так я совершеннолетний. И не грубиян.

– Правда?

– Правда и только правда. А вы?

- Это не имеет значения.
- Имеет. А вдруг я захочу за вами поухаживать?
- Вот и поухаживайте, помогите пройти. Что вы там делаете?
- Прохожих шманаю. - Штуку несло. - Будем знакомы. Максимилиан... Жан-Батист...
- Ого! Завод уже селит в заброшку командированных из Парижа!
- Да, я потомок графа Ланжерона. Мой титулованный пращур бежал от революции в Америку. Участник гражданской войны. Как товарищ Ворошилов.
- И когда люди успевают? И заметьте, селят сюда без регистрации, - напомнила лейтенант сопровождающему.
- Напомню, отрасль переживает ренессанс. Присылать будут больше. Где вы их поселите?
- Это забота завода.
- Будете сносить памятник деревянного зодчества? - спросил Штука. - Вполне еще годное строение. Отнюдь не ветхое, как пишут в жэковских залепухах. Чтоб подвергнуть дальнейшей руинизации. Целый пласт субкультур канет в лету. И бескультурья. Поимейте совесть!
- Нет, месье Жан-Батист. Его разберут и перевезут на более подходящее место.
- Замоленное? Для юниоров?
- Как вы угадали?
- Тогда дому хана. Будут па бревнах ножиком вырезать нагих женщин. Нельзя этого делать.
- Что вы говорите?!
- Здесь доминанта. Пересечение маршрутов, мыслей и желаний. Так сказал мой ученый наставник Отто. Как можно перенести доминанту?
- Здесь рассадник.
- И куда меня рассадят? А как же мыши? Не изголяйтесь хоть над мышками. У них здесь кормовая база. А переселяйте Республику ШКИД прямо в памятник деревянного зодчества. Он неотделим от живописного ландшафта.
- Тарзанки им через речку развесим...
- Вам, медам, пять баллов. У вас есть воображение. А почему бы и нет? Будущие рецидивисты будут в восторге. У них тоже

должно быть счастливое детство. Но, думаю, горисполкомом движет не забота о заблудшей смене поколений.

– Вы проникательны.

– Это у меня не отнимешь.

– Превалирующий фактор назревшего благоустройства территории и реконструкции – расширение автобусной станции. Горсовет уже принял решение. Овраг облагородят вертикальной планировкой, укрепят бетонными контрфорсами. В перспективе, возможно, строительство виадука.

– Через Колорадо-Ривер? Так бы и сказали...

– Я и сказала.

* * *

Через день новый визит в каньон. Зачастили!

– Товарищ Колотухина? – спрашивает Жан-Батист. – Медам Мара? Всхлипывают. Милка. Приехала-таки. За его деньги. Чего их жалеть?

– У тебя здесь гарем?

– На общественных началах. Воды принести?

– Только не из этой клоаки! Там стирают. Я видела.

– Там раков ловят.

– Ой, боюсь! Где туалет?

– Везде!

– На остановке в диспетчерской тебя знают.

– Кто ж не знает товарища Крупского?

– Как здесь можно жить?

Как будто у них на Молдаванке лучше.

– Тебе медный таз для варенья не нужен?

– Тише. Француза разбудишь.

– Какого француза?

– Жана-Батиста. Он устал после повторной наладки в Бордо.

* * *

Штука пошел в ночную наливайку, купил два баллона воды и пирожные крем-брюле. Стоял, переваривал происходящее. Все как в третьем акте. Сгусток жизни. Или тромб?

– Братан, если тройник нужен, то у Фелицаты, – посоветовал ханурик. – У них есть.

– Для своих?

– Чужие здесь не ходют.

Докупил чекушку и шампанское. Не хватало еще французских духов.

– А духи «Анаис»? – справился без надежды. – Под прилавком.

– Что это? – наливальщица насторожилась.

– Гель для прокаженных.

– Есть тройник.

К тройнику в нагрузку нашли «Аноис». Сюрреализм.

Вернулся. Милка лежит в изнеможении на величественном диване. С мещанскими полочками для слоников. Диван Оттик галантно уступил. На слонячей полочке заливисто щелкает крапчатый скворец. Милка укрыта переходящим плюшевым знаменем. Кистями играет кошка Вертлячка. Мусор Оттик прикрыл лапником. Пахнет Новым годом. Хотя сентябрь. Оттик принес мандарины.

– Мне плохо. Я беременна. Здесь пахнет и шуршит... Ой-о-ой! Мне в вашей шараге сказали, что у вас в бригаде один жмур и один висун. Я думала, ты повесился.

– Тоже мне повод для страданий! А когда вынос тела? Ой-ой-ой!

– А если заткнуться и не выть? – интересуются из очереди на автобусном улесе. – Объявлений не слышно!

– А ты куда нацелился? – спрашивает Штука из каньона.

– На Чертякино. В церкву. Говорят, раку с мощами привезли...

– В церкву раков завезли!

– На Чертякино объявят через двадцать минут.

Переговариваются, не наблюдая друг друга.

– А чего она воеет, у нее муж повесился? – спрашивает с автобусного плато.

– Я муж. Она горюет.

Милка беременна, а Штука думал, теща отдуплилась, грешным делом.

– Дверь ты не закрываешь? – интересуется Милка прослабленным голосом.

– Зачем? Все равно откроют.

– А-а-а! – истерика. Отвык.

– Чего ревешь?

– Меня твой напарник, ну у которого имя журнала... Напугал до смерти.

– Отто? Он тебе исполинский диван уступил, можно сказать, с барской задницы, а ты куксишься.

– Он неадекватный. Здесь у вас все туда и обратно?

Оказалось, Оттик хотел развеселить Милку, а она чуть не разродилась.

* * *

А поведал Оттик железнодорожную быль. После прибытия на Одессу-Главную проводник Отто проверил вагон. Навскидку. Нашел бесхозного младенца. Это он даме на сносях развил тему. Чтобы поднять настроение. Расхотать. Поволок он сверток с грудничком в линейный отдел милиции на Среднефонтанскую. Все как учили. А его там поворачивают в Дом малютки на шестнадцатую Фонтана с сопроводительной бумагой. Распасовывают. Чуть не чокнулся. Тут мамаша настигла, с кулаками набросилась, успела-таки. Она младенца оставила полежать.

– Та она квашеных помидор натумбарилась, и присписчило, – сказал напарник Оттика.

– Гротеск! – резюмировал Отто.

– Это кто еще? – спросил напарник. Он думал, что гротеск еврейская фамилия.

И зачем так увлекаться помидорами? С Оттика еще и премию сняли. За то, что галльон на стоянке не закрыл.

* * *

Собрали и отцентровали два барабана. Грубый пошел победно подписывать новый договор.

– Я не подпишу! – уперся Рамирес.

– Почему? Мы же собрали два барабана, как и обещали. Опробовали с товаром...

– Он течет.
– Немного сочится, но дерево должно разбухнуть.
– Не подпишу... У вас снова мурня, теперь три висуна.
– Как три?
– Где этот ваш Жан-Батист?
– Он с женой уехал. Она понесла.
– Остались декаденты и футуристы! Крепкие кадры у вас почему-то не задерживаются. А он рукастый, смекалистый. Ладный. Пусть приезжает. В последний раз подписываю...
Имей в виду!

7.

– Жан-Батист-Сатин, твой Каганович скончался! – сообщают в кают-компании «Рогани-2».

Жан-Батист, честно говоря, думал, что Лазарь Моисеич давно уже переселился в мир иной, а он, курилка, оказывается, все это время в домино гулял на Фрунзенской набережной. А тут отмутился и напомнил о себе. В девяносто-то восемь.

О своей одиссее на кожзаводе имени Кагановича Штука, конечно, вспоминал в курилках. Его даже просили травануть на бис. До жвака-галса. В лицах. Легло на душу. Так популярный фильм на судах крутят до лохмотьев. Многие сомневались, думали, остросюжетно вкручивает.

– Да, мне сам Каганович руку жал! – кипятился Штука.
– А Владимир Ильич не жал? – подначивали неразвитые.
– Владимир Ильич, вы мне руку жали? – интересуется Жан-Батист у доктора.

Доктор Владимир Ильич Левин, человек буквальный, всерьез подтверждает факт.

При убийственной монотонности линейных рейсов месяц насыщенного пребывания в ПНУ и встреча накоротке с опальным Кагановичем стали для Штуки глотком свежего воздуха. Неисчерпаемой темой для сольных выступлений на несколько лет. И для грез. Побег из визированного рая с меткой лояльности, пусть и формальной, побег от лицемерия (если помпезно) и ограничений

в рамках пресловутых правил поведения моряка заграничного плавания удался. Это будоражило и зажигало аудиторию.

Где-то все-таки, думали, есть другая жизнь, полноценнее. Которой они так и не нюхнули. Многие про себя завидовали, удивлялись вызывающей дерзости Жана-Батиста. Как не говори, наглого догоняет удача! Кто-то лелеял зыбкую надежду: получу, дескать, жилплощадь от пароходства и подамся в ПНУ. Все равно от жены отвык, а в наладке хоть фрагмент яркой жизни увижу. Пусть и с лишениями. Под занавес. А занавес пошел... Он и не заметил. Жене надо подкопить на операцию, сына на ноги поставить, дочь выдать замуж, самого простатит одолел. Интрига жизни стремится к развязке. Так-то.

История побега Жана-Батиста разлетелась по морскому телефону и коротким радиоволнам от Ньюфаундленда до Восточного Самоа. Пессимистов смущала полная реабилитация Жана-Батиста Штуки. Усматривали участие в его судьбе товарища Кагановича. Моряки люди наивные, пассионарные и охотно верят в небылицы.

По другой версии Жан-Батист состоял в прямом родстве с лидером французской компартии товарищем Жоржем Марше. По третьей за него хлопотал сам начальник Севморпути товарищ Папанин. При чем здесь Папанин?

По более вероятной и желанной версии в пароходстве дали по шапке шишкарям из парткома, и экипаж показательно поощрили. Чтобы молчали в тряпочку, считал Штука.

Версию эту озвучивал сам Жан-Батист. Направо и налево. Многие пугались и от Штуки шарахались. Как в свое время от товарища Кагановича. Особенно бычился капитан Нищак, который в те смутные времена был грузовым помощником, то есть в доле. И в тревоге. Такая его доля.

Простили, еще и отправили на приемку нового костера «Рогань-2» в Голландию, осчастливили чудом-юдом. Пароход-полуавтомат. Для лентяев. Машина молотит без вахты, соответственно экипаж сократили. За счет стариков. К местным каютам так и не привыкли, затворничество томило. На старом пароходе выйдешь на ют – хоть какую-то глупость услышишь. И легче на душе. Нищак женился на Доске (Сосно-

вой), так что стали плавать полусемейно, потаенно. Но ссорились чаще – постарели.

* * *

Мешало спать назойливое жужжание. Штука вышел на палубу. На локаторной площадке тарахтел руладами флюгер. Костяно цокнули шары.

– У меня клаштопс! – победно объявил в кают-компании капитан Нищак. Он катал в американку с Сосновой Доской, женой.

«Рогань-2» стояла у стенки, привязались с попутным грузом в израильском порту Люль.

С юта Штука различил на берегу Отто. Отто ковырял палочкой в мусорном контейнере. Напарник Жана-Батиста Штуки, как и обещал, перебрался продолжать жить в Израиль.

Полицейский у трапа Оттика категорически тормознул. Строго не положено, и все.

– Вот она, благодарность внутренних органов Павелецкого вокзала! – пожурил полицейского Жан-Батист.

– Что-то не понял... – полисмен набычился.

– Не узнал? Меня во всесоюзный розыск объявляли.

– Такие люди! Значит отличился.

– Ты у меня на Новокузнецкой ксиву проверял, а я убежал...

Лицо полицейского выражало изумление и сомнение. Жан-Батист догадался, что тот не забыл эпизод. Из жизни беглых сумасшедших. Все вспомнил. И как он, постовой сержант, зацепился за гвоздату доску у особняка Бахрушина. И как Жан-Батист великодушно вернулся, чтобы оказать помощь павшему. С риском потери собственной свободы. Все помнил экс-постовой. Но у Жана-Батиста хватило такта не мусолить собственные благородные поступки.

Милиционер оценил жертвенность Жана-Батиста. Потому в нарушение инструкции пустил Отто на борт «Рогани-2» растрогаться. На двадцать минут. С условием, что Оттик оставит мешок в ста ярдах от парохода. Добыча смердела на жаре.

Обнялись с Жаном-Батистом.

– Жил я в Одессе на улице Красной Армии, а сейчас на Красном море, – подытожил Оттик.

– Говорят, Каганович помер, – подбросил наживку Жан-Батист. – Лазарь Моисеевич.

– Я у него на похоронах был, – огорошил Оттик. – Весной помер. Черемуха цвела, хорошо!

– А как тебя допустили?

– Я плохо одет был, потому и пустили. Одна заслуженная бабуля провела. У нее орден Красного Знамени был на кумачовой плюшевой подкладке. Там мужчин почти не было, пришли только бабушки, политкаторжанки. Соратников-то не осталось. Одну бабулю на руках принесли.

– Надо же! Они тоже были неважно одеты? Может, так завещал?

– Не исключаю. Девяносто восемь ему было. Я у него дома и покушал.

– Как покушал?

– Политкаторжанка подкормила оливье, правда, на кухне. Сама, наверное, в жизни бедовала. Сiju, а на табуретке инвентарный номер. На всей мебели номера. Мебель старая, но убедительная. Казенное ретро, без намека на модерн. Ничего не нашол. Моисеевича еще в шестьдесят первом из партии вычистили. Он писал наверх, а его так и не восстановили.

– А на каких правах он на завод приходил на партсобрание?

– Оно было открытым. Или это профгруппа была. Уже не помню...

– Посетитель, освободите трап и заберите торбу, – приказал полицейский-милицейский. – Воняет.

– Здесь меньше сорят? – посочувствовал Жан-Батист для Отто. – И поэтому ты разочарован...

– Не в этом дело...

– Так где хуже – тут или на Молдаванке?

– Ты, наверное, удивишься, но лучше всего мне было, когда... отстал от паровоза... Неважно, где отстал, важен поступок. Когда поезд уходит, станция приседает в сугробах заносной зимы, успокаивается... Майданчики, поездные воры распределяются по вагонам, пропадает суeta и тревога – провинциально, тихо, правильно. Отнюдь не потерянно.

Лошадка рысью неуверенной
Новит чуть зримые следы.

.....

Но скрылись санки – словно белая
Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.
И лишь вороны стайей бдительной
Порой над пустотой кружат,
Да вечером в тиши томительной
Горит оранжевый закат.

– Заносная зима, говоришь... Брюсов?

– Валерий Яковлевич...

* * *

На перроне станции Мотовилово-Чудилово проводник Отто пристроился в очередь к газетному киоску. Подвезли «Футбол-хоккей» недельной давности, по местным понятиям свежак. А что входит в информпайку рядового труженика? «Футбол с хоккеем», «Красная Звезда» и пачка прилукской «Примы».

Кому-то газет не хватило. Когда устали от давки, разбрелись без сожаления. А Оттику всего-то и нужен был свежий номер «Нового мира», он через третью дырку в изморози с вождением любовался голубой обложкой. В Москве толстый журнал не купишь, а на отшибе он непонятен. Ежится Оттик в дамской блузке жены, топчется в тряпочных тапочках на морозе, надеется успеть, станция узловая, локомотив меняют. Подмышкой планшет с билетами на сто пять пассажиров – весь плацкартный вагон. Флажки при Оттике в планшете, чтобы желтый высунуть, если вдогонку. Уже заветный журнал выкупил, достался-таки. Когда его новосибирский резво снялся. Оттик ждал сдачи. А состав спешил на форсаже, опаздывал. Как всегда. Он к дежурному по станции с неотложным делом. Там тоже очередюга, не пропускают, у всех срочность! Кого-то обокрали. Уже в этой очереди выпавших из движения.

– А вам чего? – спрашивает дежурный дежурно.

– Я от поезда отстал, – признается Оттик.

– Ну отстал и отстал. Догоняй теперь...

– Я проводник.

Оттик матерого путейца не сразил до истерики. У того даже не изменилось кислое выражение лица. Он не взорвался, а только поскущел. Подошел к карте дистанции пути, нашел ключевой полустанок на пути следования пассажирского. Связался с линейный отделом милиции.

– Надо доставить к поезду на разъезд Труд и Наука, – распоряжился в трубку. И повесил ее на рычаги, прервал ответный рык органов правопорядка. Вынужденных устранять беспорядки на магистрали. Дороги бескрайние, пути магистральные!

– Если думаешь, ты первый такой нерадивый, то глубоко заблуждаешься, – напутствовал. – Идиотов – вагон, – он так и продолжал стоять лицом к карте, задом к Оттику. Молчит путеец, а время уходит. В смежном кабинете воют с причитаниями, рыдают навзрыд, стенания.

Оттик просит служебную погоню снарядить. Через Кавалерово-Барыгино. На вертолете. В нелетную погоду, в метель. Переходящую в пургу.

– Ишь ты, какой локомотивный! – дежурный даже не язвит, не удивляется прыти. – При товарище Кагановиче с тобой бы разобрались, – буркнул беззлобно. – А сейчас только прогрессивки лишат.

– Нам ее и так не платят.

Коченел Оттик на мотодрезине, от тряски язык прищемил, потом на милицейском снегоходе-самокате. К разъезду Труд и Наука. Не успели бы к отходу. Но поезд в Труде с Наукой придержали. На сорок минут. Он все равно хронически опаздывает. Даже в режиме сто веселого. А куда спешить? Не при товарище Кагановиче. Так что проводника Оттика успели служебно посадить.

Оказалось, в плацкارت прибилося много зайчатины, волглými валенками зашибает до одури. Ушлые зайцы быстро сориентировались.

– Мои билеты у проводника, – неубедительно отбрыкивались.

Зато легальные безбилетники и подсадные встретили проводника Оттика как родного. Оттик доложил по секрету (всему вагону), что участвовал в облаве на поездных воров. Дескать привлекли.

Пассажиры профессиональную жертвенность оценили. Даже гордились им. Но билеты свои все-таки выковыряли из ячеек планшета. На всякий случай. Оно и понятно. У многих пересадка. Или смежные виды транспортной тяги: железка – кукурузник – олени – собаки – тракторные сани... Приехал в Одессу. С «Новым миром». В мир иной.

* * *

– Так ты считаешь, стоит испробовать заносной зимы? – спросил с застоявшейся грустинкой Жан-Батист. В последнюю зиму хамсин намел ему в Бенгази прямо у двери под комингсом сугроб песка из Сахары тончайшего помола.

Отто пожал плечами.

– Ты попробовал и, думаю, сам решил...

– Иди, иди, попробуй! – отреагировал полицейский. Его тоже пробрало, заслушался. Потом служебно встрепенулся и благословил Оттика на Святую Землю. Иначе сам мог схлопотать. – Свидание окончено! – напомнил со скрытым сожалением.

– В обезьяннике положено два часа держать, – напомнил Жан-Батист.

– Я знаю.

– А дом наш на семи сквозняках разобрали, – спохватился Оттик уже с причала. – Самостоятельный был дом. Сам какой-то приبلудный. Как мы. Мышки шуршали... Я их кормил крошками. Жалко. Остался только твой аншлаг на елке.

– Какой аншлаг?

– «Граждане, не подходите к обрыву. Его можно поломать!»

– А теперь оставьте трап! – отреагировал полицейский.

– Нет, мы не понимаем друг друга с полуслова, – упрекнул Жан-Батист полицейского.

– Ты уехал с Милой, а к тебе Мара приходила...

Отто побрел, не оглядываясь. На Оттике снова были дамские полусапожки (те самые?). Поднял бутылку, слил остатки на асфальт, опустил добычу в торбу.

Красное море цвета взбитой пыли ярилось острыми злыми барашками, бестолково толкалось, слепящая чешуя быстро съедала почерневший от контраста силуэт Оттика.